

Судьбы дальневосточных казаков: штрихи к коллективному портрету

© 2014

А. Коваленко, В. Токмаков

На основании архивных документов, воспоминаний, исторических исследований предпринята попытка проследить судьбы Приамурского казачества на родине и в эмиграции, в Китае. Внимание уделяется не только широко известным лидерам казаков, но и рядовым офицерам.

Ключевые слова: казаки, личные характеристики, эмиграция, исторические судьбы.

Дальневосточное казачество в начале XX века представляло собой организованную и деятельную в военно-служебном и хозяйственном плане группу местного населения. За период в более чем полвека существования оформились и развились сообщества амурских и уссурийских казаков. Шел процесс формирования казачьей командной элиты в войсках, который был прерван революционными событиями, Гражданской войной и политическими мероприятиями советской власти¹.

Оказавшись в эмиграции, представители дальневосточного казачества пытались приспособить традиционный образ жизни к условиям другой культуры. Это был сложный, многогранный и противоречивый процесс, в ходе которого сталкивались интересы и ценности различных социальных групп.

Казачья эмиграция, представлявшая мощнейший пласт постреволюционной истории и культуры военного сословия, чрезвычайно актуальна для исследования в региональной историографии. Персональная история эмигрантов имеет практическую значимость для их потомков, разыскивающих своих дедов и прадедов. Общей характеристике дальневосточной эмиграции посвящен ряд работ, в которых рассмотрены различные аспекты пребывания казаков за границей².

Китай принял российских беженцев. Среди них были представители многих казачьих войск, но большинство служили в Амурском (АКВ) и Уссурийском (УКВ) казачьих войсках. Крупнейшими центрами проживания казаков стали города Сахалин, Харбин, Шанхай. Большое количество забайкальских казаков проживало в районе Трехречья.

В современной историографии выделяют следующие периоды эмиграции в Китае, в том числе и казачьей. Первый охватывает 1897–1917 гг. и связан со строительством КВЖД: за это время переселилось сюда до 30 тыс. человек, в том числе и казаков, задействованных на охране строящихся объектов³. Второй период обусловлен революциями 1917 г. и последовавшей за ними гражданской войной, которые привели в изгнание наиболее активную часть российского населения, выступившую против большевистского

Коваленко Анна Ивановна, доктор исторических наук, доцент ГБОУ ВПО Амурская ГМА Минздрава РФ, г. Благовещенск. Тел.: 8 914 388 9204. E-mail: ankov-gai@mail.ru.

Токмаков Валерий Сергеевич, преподаватель ГБОУ ВПО Амурская ГМА Минздрава РФ, г. Благовещенск. Тел.: 8 914 585 60. E-mail: tokmakov@rambler.ru.

режима. Среди них было много казаков, имевших значительный опыт хозяйственной и служебной деятельности. Третий период приходится на 1920–1930-е годы. Среди эмигрантов этих лет было и казачество, традиционно считавшееся оплотом самодержавия. Поэтому казаки, оставшиеся на Родине, оказались самым неблагонадежным населением в приграничье, в силу чего подвергались сильнейшим репрессиям⁴. Общая численность казачьей эмиграции в Китае в 1920-х годах превышала 25 тыс. человек⁵.

Причины эмиграции одной части казачьего населения и принятие новых порядков оставшимися в России казаками было обусловлено рядом причин, — как экономического, так и ментального, мировоззренческого характера. Уссурийское казачье войско, например, к 1917 г., в экономическом отношении фактически было разделено на две части: северные и южные округа. Первые, заселявшие северные районы, обделенные необходимым количеством удобных земель, еще до Первой мировой войны высказывались за расказачивание, за переход в крестьянское сословие. Вторые, более обеспеченные, зажиточные, дольше остальных стояли за сохранение казачьего сословия⁶.

При этом следует отметить, что переселявшиеся на правый берег Амура и левый берег Уссури казаки руководствовались, на наш взгляд, не одними социально-экономическими соображениями. В северных округах в основном проживали выходцы из пеших казаков Уссурийского батальона, поверстанных в войсковое сословие в середине XIX в. из нерчинских горнозаводских крестьян и не успевшие за полувековую историю выживания в новых условиях в полной мере ощутить себя казаками. Образовавшиеся на рубеже веков станицы и поселки, располагавшиеся вдоль строившейся Транссибирской магистрали, заселялись представителями Донского, Кубанского и Оренбургского войск, которые имели продолжительную историю и наиболее крепкие сословные традиции. Так же, как их деды и отцы, они ощущали себя защитниками Отечества, стоящими на страже устоявшихся в государстве порядков, поэтому число эмигрантов из данных селений было значительно больше.

В чужой стране эмигранты сталкивались со многими проблемами, главными из которых были иноязычное окружение, чуждая культура, отсутствие материальных средств к существованию. Были нарушены многие родственные связи.

Специфика исследования личностного фактора в истории данного сословия, опирающаяся на изучение конкретных персоналий рядового и офицерского состава — как на Родине, так и в изгнании — приводит нас к документам фонда Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), представляющим солидную источниковую базу на региональном уровне.

Ценный материал содержит также «Справочник-список руководящего и рядового состава членов белогвардейского «Союза казаков на Дальнем Востоке», находившегося на территории Маньчжурии», изданный в Хабаровске в 1950 г.⁷, куда включено несколько тысяч кратких характеристик казаков, состоявших в обозначенной организации.

Поселяясь на новом месте, казаки использовали исторический опыт традиционной организации своих сообществ. Основу «Союза казаков на Дальнем Востоке» в районах концентрации населения составляли станичные казачьи общины. В 1923 г. была образована Сибирская казачья станица, в 1924 — Амурская и Оренбургская станицы. К 1938 г. насчитывалось 24 станицы на территории Маньчжурии, из них 9 было в Харбине⁸. Они представляли собой как места компактного проживания казаков, например, в Трехречье, так и общественные организации в городах. Однако эмигрантские станицы далеко не всегда копировали дореволюционные, поскольку сельскохозяйственный уклад жизни, привычный для казаков, невозможно было воссоздать в городских условиях, среди чуждой культуры.

Изучив и проанализировав различные материалы БРЭМ, личные дела казаков, справочную литературу, опираясь на исследования предшественников, мы выделили наиболее типичные группы в среде казачьей эмиграции.

1. Казачьи лидеры, генералитет, возглавлявший движение (Г.М. Семенов, А.П. Бакшеев, Е.Г. Сычев, Р.А. Вертопрахов и др.), выходцы из казачьих семей, получившие военное образование, командовавшие казачьими подразделениями на полях сражений Первой мировой войны. Были руководителями белоказачьего движения во время гражданской войны, в эмиграции обладали высочайшим общественным статусом, консолидировали антисоветские силы, возглавляли казачьи союзы. К сожалению, личные амбиции многих представителей высшего командного состава, подкрепленные боевым опытом, породили претензии на исключительность, стремление к установлению единовластия на подконтрольных территориях и в конечном итоге — к расколу казачьего движения.

Григорий Михайлович Семенов, отличившийся в сражениях Первой мировой войны, за личный подвиг был удостоен ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия. Будучи авторитарным командиром, Семенов считал ошибкой отмену принципа единоначалия в армии и предложил Главному штабу армии свой проект реформирования войск, который заинтересовал генерала от кавалерии А.А. Брусилова. В период Гражданской войны для борьбы с большевиками сформировал Особый маньчжурский отряд, стал походным атаманом Дальневосточных казачьих войск, правопреемником адмирала А.В. Колчака. В Маньчжурии возглавил антисоветскую военную и казачью эмиграцию, в борьбе против Советской России занял прояпонскую позицию. Его верным соратником был георгиевский кавалер, бывший командир 2-го Верхнеудинского казачьего полка А.П. Бакшеев, возглавлявший Бюро по делам российских эмигрантов в Харбине и Союз казаков на Дальнем Востоке, действовавших в интересах японских оккупантов. В руководство данных организаций входил и генерал Л.Ф. Власьевский⁹.

Однако им противостояла мощная оппозиция в лице генералов Е.Г. Сычева, И.Ф. Шильникова, Р.А. Вертопрахова, И.М. Токмакова и других, возглавлявших «Восточный казачий союз», преобразованный в 1933 г. в Совет казачьих войск. Они настраивали эмигрантские круги против японского диктатора¹⁰, будучи при этом убежденными антисоветчиками.

Ефим Георгиевич Сычев, уроженец станицы Игнашинской АКВ — один из немногих амурских казаков, получивших профессиональное военное образование: окончил Иркутское юнкерское училище по первому разряду. Прошел большой боевой путь: участвовал в русско-китайском конфликте 1900–1901 гг., Русско-японской и Первой мировой войнах. За боевые заслуги есаул лейб-гвардии Сводного казачьего полка Е.Г. Сычев в 1915 г. был произведен в полковники. В следующем году за мужество, проявленное в битвах за Карпаты, был удостоен Георгиевского оружия. В годы Гражданской войны — активный участник Белого движения на территории Иркутской области и Забайкалья. Летом 1920 г. Е.Г. Сычев выступил в роли основателя и руководителя «Амурской военной организации», ведущей антисоветскую борьбу в Приамурье, с территории Маньчжурии. Членами этой организации осуществлялись вооруженные вылазки в населенные пункты Амурской области (вооруженные столкновения у станций Архара и Завитая, Москвитинское восстание 1922 г.) и другие акции. Сычев проявил себя как бескомпромиссный, жесткий, даже жестокий командир, в гражданской смуте был беспощадным к своим врагам. Вместе с тем, являясь командиром полка, он испытал определенное влияние революционно-демократических веяний среди казаков¹¹. В эмиграции генерал Е.Г. Сычев резко выступал против прояпонской позиции, за что был выслан из Маньчжурии. Поселившись в Шанхае, Сычев продолжал вести антияпонскую пропаганду.

Представляет интерес повседневная личная жизнь Е.Г. Сычева. В Китае он работал как профессиональный художник, служил в японской торговой фирме и французской концессии. Хороший семьянин, воспитал сына и двух дочерей, сын учился в Харбинском политехническом институте¹².

Взгляды Е.Г. Сычева в эмиграции разделял коренной амурец *Роман Андреевич Вертопрахов*, родившийся в семье школьного учителя станицы Михайло-Семеновская

АКВ. Доблестно участвовал во всех военных событиях начала XX в., отличился в Китайском походе 1900 г., став первым георгиевским кавалером среди амурского казачьего офицерства. Учитывая знания, эрудицию и боевой опыт Вертопрахова войсковое правление АКВ поручило ему составить краткую историю войска. В 1909 г. была издана «Памятка амурского казака», в которой в очерковой форме нашла отражение история землепроходчества на Амуре в XVII в., героика амурского казачества (1858–1905), основанная на документальном материале. К очерку прилагались списки погибших и раненых в российско-китайском конфликте 1900–1901 гг. и в Русско-японской войне 1904–1905 гг., а также поименные списки всех казаков и их командиров, удостоившихся Георгиевского креста¹³.

После возвращения с фронта в 1918 г., Р.А. Вертопрахов активно включился в борьбу с большевизмом, был военным руководителем Гамовского мятежа в Благовещенске. В эмиграции продолжал борьбу против Советов на Дальнем Востоке России, в составе Амурской военной организации и Восточного казачьего союза¹⁴.

Военная карьера Р.А. Вертопрахова — это путь честного служения России, основанного на чувстве долга и убежденности в правоте своей позиции. Верность долгу, способность брать на себя большую ответственность проявились и в мирной жизни в семье воспитывались двое приемных детей¹⁵.

2. Достаточно многочисленная группа, представленная офицерами, имевшими значительный боевой и административный опыт службы. Их взгляды корректировались под влиянием революционных событий. Убежденные противники советской власти, эмигрировав, участвовали в антибольшевистской деятельности за рубежом, выражавшейся в различных формах: от общественно-политической пропаганды среди соотечественников до самовольного перехода границы для организации противоправных акций на территории Советского Дальнего Востока и Забайкалья.

Одним из предводителей калмыковских казачьих отрядов был есаул Валериан Бочкарев (Озеров). Его людям приписывается расправа над видными красными командирами: С. Лазо, А. Луцким, В. Сибирцевым. 19 июля 1920 г. бочкаревец, сотник *Д.Т. Коренев* застрелил в Имане особоуполномоченного Приморского правительства П.В. Уткина, его секретаря Граженского и милиционера Кагоду¹⁶. Коренев был арестован, но долго сидеть во время пребывания у власти в Приморье буржуазно-демократического правительства Меркуловых ему не пришлось¹⁷. Будучи в эмиграции, Д. Т. Коренев был председателем Объединения российской молодежи отделения Бюро в Цицикаре¹⁸.

Участие в карательных акциях против соотечественников, поражение в Гражданской войне, эмиграция необходимость приспособляться к новым условиям приводили к ожесточению. Стоит также отметить, что традиционные качества «служаки», особенно характерные для потомственных казаков, сочетались с политической ангажированностью. Судя по характеристикам, бывшие офицеры не всегда пользовались уважением в эмигрантской среде. Например, родственник умершего в Шанхае генерала Р.А. Вертопрахова *Илья Григорьевич Вертопрахов* сумел приспособиться к жизни на чужбине: некоторое время работал в Харбине шофером, затем служил билетером в театре «Капитол», а после — заведующим кинотеатром «Азия». Из характеристики в персональном деле следует: «ко всем иначе мыслящим относится отрицательно. В политическом отношении неблагоприятных сведений о нем не имеется. Как человек, весьма плохой. Невероятно груб и хамоват по отношению к служащим, и наоборот, чрезвычайно угодлив и лъстив перед начальством. Упрямый и умственно не особо развит»¹⁹. Служащие отзывались о нем, как о требовательном и грубом начальнике²⁰.

Следствием конкуренции в эмигрантских сообществах казаков были интриги, соперничество в самых различных формах. Доказательством могут служить кардинально противоположные характеристики офицеров. Например, сохранилась характеристика *Николаева Михаила Николаевича*, 1888 г.р., с 1918 г. служившего в частях Благовещенского гарнизона. В Маньчжурии с 1922 г., служил в железнодорожной полиции²¹. «Пло-

хого о нем сказать не могу, т.к. близко его не знаю. Известно, что перед японцами не заискивал, держался независимо. Где возможно, отстаивал русские интересы. Как работник, опытный, но особыми талантами и способностями не блещет. Обычно его ругают те, кто хотел бы сам быть на его месте», — утверждает один из его соотечественников²².

Другая характеристика Николаева гласит совершенно обратное. «Ничего хорошего о нем сказать не могу. Большой интриган. По своей натуре человек беспринципный. Ради достижения своих целей готов ни с чем не считаться. Перед японцами русских интересов не отстаивал искренне никогда, а если и делал это, то с задней мыслью. В моральном отношении считаю его человеком абсолютно отрицательным, способным на интриги, пакости и подлости», — заключает о нем человек, по всей видимости, находившийся с ним в контротношениях²³. При этом М.Н. Николаев достиг значительных успехов в общественной деятельности — 9 марта 1944 г. был назначен станичным атаманом строящейся станицы Ново-Покровская в Тоогэнском переселенческом районе²⁴.

Как правило, казачье офицерство из среды активных борцов против новых порядков на Родине вступало в различные политические организации на чужбине. Воспитанные на идеологической триаде «За Бога, Царя, Отечество», многие разделяли монархические убеждения. Из нескольких сотен изученных нами личных характеристик больше двух третей идентифицировали себя как «монархисты». Среди них: Егоров Е.И., Лалетин С.И., Глотов С.Т., Коренев Т.Ф., Верхотуров М.И. и многие другие.

В ходе первой русской революции и последующих военно-политических событий происходила либерализация взглядов дальневосточных казаков. В частности об этом свидетельствовало участие казачества в работе руководящего органа революционного движения в 1905 г. под названием «Читинская пробка», выдвигавшего политические требования правящему режиму. Делегаты Первого войскового круга АКВ, проходившего в декабре 1905 — январе 1906 г., требовали предоставления права казакам быть избранными в Государственную Думу²⁵.

Судя по характеристикам представителей казачьей эмиграции, среди офицерства сохранялись приверженцы либеральных позиций. Например, С.И. Костров был некоторое время сторонником партии кадетов²⁶, а ярый антибольшевик Е.Г. Сычев публиковал в кадетской газете патриотические обзоры об успешных операциях советских войск²⁷.

К 1936 г. достигает пика своей деятельности Русская фашистская партия, лидером которой был К.В. Родзаевский, уроженец г. Благовещенска. К тому времени она стала, по сути, филиалом Японской военной миссии. Основная масса эмигрантов по праву считала ее не политической организацией, а скорее полукриминальной структурой, объединяющей отбросы общества, по-преимуществу — молодежи. Фашистская идеология, хоть и не находила широкого сочувствия, но привлекала к себе некоторое число убежденных противников большевиков из казачьей среды²⁸. К приверженцам фашистской идеологии из числа амурских казаков относили себя: Д.Т. Коренев, И.Г. Вертопрахов, И.П. Пакулов²⁹ и др.

Приверженность упомянутой фашистской доктрине, по нашему мнению, возникла не в силу привлекательности идеологических установок фашистов, а вследствие наличия общего противника в лице коммунистов. Идеологическую платформу казачества лидер забайкальских казаков атаман Г.М. Семенов сформулировал одним словом — «РОССизм». Он утверждал, что формы собственного национального единения в России, где представлены народы славянской и монгольской рас, не могут быть отождествлены ни с фашизмом Италии, ни с расизмом в Германии³⁰.

Среди амурского офицерства были и такие, для кого военная карьера закончилась с исходом из России. Главной целью для них стала необходимость приспособиться и выжить. Это были не амбициозные, но честные и трудолюбивые люди. Приведем характеристику одного из них: *Евгений Иннокентьевич Егоров*, уроженец г. Благовещенска, 1886 г. р. «Офицер, мой бывший командир, очень приличный человек», — пишет о нем Н.М. Шалыгин, который являлся атаманом станицы Амурская. «По характеру выдержан-

ный и приветливый, по своей натуре человек общительный и открытый. В моральном отношении надежный, ни на какие предосудительные поступки не пойдет. Работоспособный и исполнительный. Человек он интеллигентный и развитый. Могу сказать о нем одно лишь хорошее»,³¹ — завершает характеристику офицера его бывший подчиненный.

3. К этой группе можно отнести высокообразованных представителей казачьей интеллигенции. В эмиграции был востребован их профессионализм, поэтому они трудились по специальности. Но нужно отметить, что успешных специалистов из числа амурских казаков было крайне мало, потому что казацкие дети, практически, не могли получить достойного образования. Один из лидеров амурского казачества в Гражданскую войну, выборный атаман АКВ в 1917–1919 гг., *Иван Михайлович Гамов*, до революции работавший учителем в станичных школах, избиравшийся депутатом IV Государственной думы в 1912 г., не забыл своего ремесла и на чужбине. До 1945 г. он осуществлял педагогическую деятельность в школах Харбина, приняв советское гражданство, но так и не вернувшись на Родину³².

Успешно сложилась судьба *Тимофея Филипповича Коренева*, 1887 г.р. В 1918 г. он закончил Томский университет, получив специальность врача. В эмиграции работал по специальности, — участковым врачом, пользовался большим авторитетом в станице³³. Врачом также был *Константин Симонович Коренев*, окончивший медицинский факультет Киевского университета св. Владимира. Во время Первой мировой войны служил на фронте в медицинской части, в 1919 г. вернулся в Амурскую область, где был земским врачом 4-го участка АКВ. В Харбине продолжал практиковать, кроме того, читал лекции по медицине, занимался общественной работой³⁴.

Среди эмигрантов встречались и юристы, и журналисты, инженеры, хореографы и др. Яркий пример — братья Илья, Константин (упомянутый выше) и Василий Кореневы, дети зажиточного амурского казака, из Поярковской станицы *Симона Тимофеевича Коренева*: все трое получили до революции хорошее профессиональное образование³⁵.

Сергей Иннокентьевич Костров, бывший офицер 2-го Амурского казачьего полка, в силу дворянского происхождения получил прекрасное образование. В Маньчжурии, что особенно интересно, работал учителем танцев, был даже владельцем танцевальной школы³⁶.

И.С. Коренев имел профессию горного инженера, в 1921 г. работал главным управляющим предприятиями Л.С. Скидельского в Приморье. В Китае устроился служащим главной конторы Мулинского углепромышленного товарищества, здесь же трудились его сын и младший брат. *В.С. Коренев* получил образование в Московском землемерном училище и Оренбургском военном училище. В 1917 г. находился в частях Дутова, участвовал в походе на Бузулук, а в 1918–1920 гг. воевал в Приамурье, занимался литературным трудом, был автором многих очерков и рассказов, в которых увековечивал «прекрасное» прошлое дореволюционной России³⁷.

4. Группа представлена рядовыми станичниками, втянутыми в гражданское противостояние под влиянием атаманской верхушки. Перспектива политического преследования, а также экономического разорения, боязнь за судьбу жен и детей, да и многое другое способствовало массовому исходу семей. Жизнь в эмиграции рядовых казаков сводилась, главным образом, к выживанию в инокультурной среде, налаживанию сносного быта.

Так, казак Амурского казачьего войска Екатеринбургского станичного округа *Семен Тихонович Глотов* в автобиографии отображает этапы своей жизни. Родился 21 июля 1892 г. в станице Екатериновка, жил с родителями, которые занимались хлебопашеством. Учился в станичной школе. В 1914 г. был призван в ряды войск г. Благовещенска, служил во 2-м Амурском казачьем полку, был на фронте Первой мировой войны. В 1917 г. при демобилизации армии прибыл в город Благовещенск. В 1918 г., 18 февраля отступил из г. Благовещенска в гор. Сахалин. До 1929 г. проживал в Сахалине до начала советско-китайского конфликта на КВЖД, после чего прибыл в Харбин. В 1930 г. поступил в г. Хар-

бине в автошколу, где и служил до 1 марта 1937 г. в качестве шофера и сторожа автогаража, был уволен по ликвидации гаража³⁸.

Участие в Гражданской войне стало причиной эмиграции *Иннокентия Максимовича Бирюкова*, который родился в 1896 г. в станице Платоно-Александровской УКВ, до 1917 г. служил в Уссурийском казачьем полку рядовым в пулеметной команде, был на фронтах Первой мировой. После революции находился в полку атамана Калмыкова³⁹. В особом отряде Атамана Калмыкова, в Гродековской группе⁴⁰, служил также в 1918–1920 гг. *Леонид Николаевич Властопуло*, уроженец г. Николаевска-на-Амуре, 1898 г.р.

Примером типичной для казака неофицерского звания судьбы может служить биография *Лалетина Семена Иннокентьевича*, родившегося в 1884 г. в Екатерино-Никольской станице АКВ, жившего в станице Пузино. С 1906 г. он находился на службе в Амурском казачьем полку, дослужился до старшего урядника, в селе Нагибово Амурской области занимался хлебопашеством вплоть до 1927 г. Испугавшись грядущих репрессий, спасая свою жизнь, он покинул Родину. В Маньчжурии работал сторожем⁴¹.

Ассимиляции казачьего населения в немалой степени способствовали межэтнические браки, часто не имевшие альтернатив. В контексте последнего тезиса интересна судьба *Верхотурова Михаила Ивановича*, 1886 г.р., уроженца хутора Аносова Кумарского станичного округа АКВ. До 1917 г. Верхотуров командовал 1-й особой конной сотней АКВ в Джалинде, до 1920 г. — служил выборным атаманом в Джалинде-Рейново. По отзывам казаков-амурцев, в моральном отношении был человеком порядочным. В эмиграции все время проживал в Мохо, занимаясь охотой и сельским хозяйством. Всех своих дочерей Верхотуров выдал замуж за маньчжур. «По натуре своей человек он «тяжелый» и хозяйственный. В политическом отношении был вполне благонадежным»⁴², — отмечено в личном деле.

В условиях выживания, а затем и приспособления к новым условиям жизни представители казачьего сословия, как офицеры, так и рядовые, проявили лучшие личные и трудовые качества. Проживая на юге Дальнего Востока России до периода революций и гражданского противостояния, по принципу самообеспечивающихся общин сельских тружеников, приобрели большой опыт занятия различными промыслами. Являясь в первую очередь земледельцами, скотоводами, они также занимались извозом, лесодобычей, рыбной ловлей, были успешны в торговле и предпринимательстве.

Выполнение кузнечных, плотницких, шорнических, конторских и других работ уже в эмиграции позволяло бывшим сельским жителям успешно адаптироваться к городской жизни. Занятые не только на физических работах, но и на многих других должностях, казаки имели достойный уровень грамотности и общего интеллектуального развития.

Но в долгосрочной перспективе сохранение казачьих сообществ за рубежом было маловыполнимой задачей. Главной причиной была утрата возможности массового несения воинской службы. Лишившись привычных мест обитания и своего дела, казаки-эмигранты не имели возможности сохранить традиционный уклад жизни в ином государстве.

1. Коваленко А.И. Харизматический компонент в ментальности казачества восточных окраин России // Казачество Дальнего Востока в XVII — XIX вв. Хабаровск, 2006. Вып. 1. С. 9–20.
2. См.: Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950). Хабаровск, 2008–268 С.; Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: библиографический словарь. Владивосток, 2001; Сергеев О.И. Из истории политической жизни российской эмиграции в Китае: фашизм и казачество // Вопросы гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1994. С. 141–150; Его же. Жизнь казачества в условиях зарубежья (Китай): опыт сохранения традиций // Казачество Дальнего Востока России в XVII — XIX вв. Хабаровск, 2006. Вып. 1. С. 150–160; Шульгина Н.В. Политическая обстановка в среде восточной ветви русской эмиграции: исторический аспект // Россия и АТР. 2013. № 2. С. 43–56; Старосельская Н.Д. Повседневная жизнь «русского»

- Китай. М., 2006; *Пушкарёв В.А.* Амурские казаки в Китае: опыт сохранения традиций (1918–1945) // Россия и АТР. 2013. № 3. С. 17–29.
3. *Сергеев О.И.* КВЖД и российское казачество // Из истории российско-китайских отношений: Сб. статей. Благовещенск, 1999. С. 58.
 4. *Сергеев О.И.* Жизнь казачества в условиях зарубежья... // Казачество Дальнего Востока России в XVII — XIX вв. — Хабаровск, 2006. Вып. 1. С. 151.
 5. *Сергеев О.И.* КВЖД и российское казачество // Из истории российско-китайских отношений... С. 59.
 6. *Савченко С.Н.* Уссурийское казачество в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922). Хабаровск, 2002. С. 276.
 7. Справочник-список руководящего и рядового состава членов белогвардейского «Союза казаков на Дальнем Востоке», находившегося на территории Маньчжурии. Хабаровск, 1950.
 8. *Абеленцев В.Н.* Амурское казачество XIX — XX вв.: Сб. ст. и публ. 2-е изд. Благовещенск, 2005. С. 176.
 9. ГАХК. Ф. 829. Оп. 1. Д. 14. Л. 17.
 10. *Абеленцев В.Н.* Е.Г. Сычев: страницы биографии // Казачество Дальнего Востока России в XVII — XXI вв. Хабаровск, 2006. Вып. 1. С. 133–134.
 11. Там же. С. 128–133.
 12. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 1197. ЛЛ. 4, 15.
 13. *Вертограхов Р.А.* Памятка амурского казака // Амурские казаки в 2 т. Т. 1. Благовещенск, 2008. С. 177–230.
 14. ГАХК. НСБ. Россия и казачество. Харбин, 1933.
 15. ГААО. НСБ. Приказы по АКВ 1914–1919 гг.
 16. История Дальнего Востока России. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003. Т. 3. Кн. 1. С. 517.
 17. Там же. С. 518.
 18. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 22619 Л. 14.
 19. Там же. Д. 7571. Л. 21.
 20. Там же. Л. 28.
 21. Там же. Д. 33534. Л. 1 об. 2.
 22. Там же. Л. 14.
 23. Там же. Л. 14 об.
 24. Там же. Л. 15.
 25. ГААО Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 56. Л. 7. Д. 57. ЛЛ. 1–3.
 26. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 23265. Л. 1 об.
 27. *Абеленцев В.Н.* Е.Г. Сычев... С. 136.
 28. *Абеленцев В.Н.* Амурское казачество... С. 183.
 29. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 35384. Л. 1.
 30. *Коваленко А.И.* Общественная жизнь казачьей эмиграции в Китае // Из истории российско-китайских отношений: Сб. статей. Благовещенск, 1999. С. 175.
 31. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 14252. Л. 20.
 32. *Абеленцев В.Н.* Амурская казачья эмиграция в Маньчжурии // Из истории российско-китайских отношений: Сб. статей. Благовещенск, 1999. С. 83.
 33. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. ЛЛ. 1, 6 об. 22648.
 34. См.: *Пушкарёв В.А.* Амурские казаки в Китае...
 35. Там же. С. 21.
 36. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 23265. ЛЛ. 1, 3 об., 10.
 37. *Пушкарёв В.А.* Указ. соч. С. 22; Деловой мир Приамурья в 2 т. Благовещенск, 2013 Т. 2. С. 78–80.
 38. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 10096. Л. 8.
 39. Там же. Д. 4462. ЛЛ. 1, 3 об.
 40. Там же. Д. 8157. ЛЛ. 1, 2.
 41. Там же. Д. 26099. ЛЛ. 1, 1 об.
 42. Там же. Д. 7588. Л. 19.